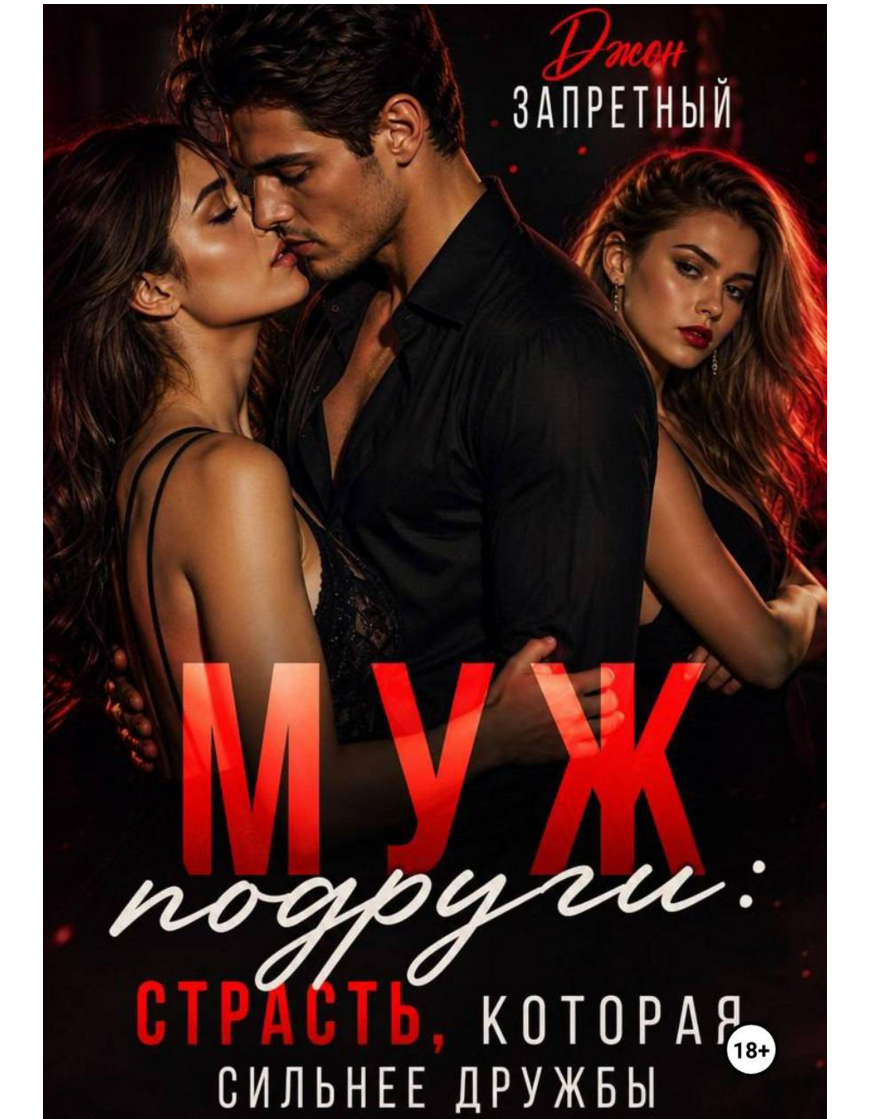

Джон
ЗАПРЕТНЫЙ

МУЖ
подружки:

СТРАСТЬ, КОТОРАЯ
СИЛЬНЕЕ ДРУЖБЫ

18+

Джон Запретный

Муж подруги: Страсть, которая сильнее дружбы

<https://litres.ru/74390522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сначала — случайные взгляды. Потом — прикосновения, которые длятся на секунду дольше. Потом — мысли, которые Маша гонит от себя, но они возвращаются снова и снова. Она пытается найти себе кого-то другого, но каждый мужчина рядом с Данилом кажется ей пустым. Он стал её идеалом. Её запретной мечтой. Её наваждением.

Одна поездка на озеро изменит всё.

Одна ночь в палатке — и граница между «нельзя» и «хочу» исчезнет навсегда.

Потому что страсть, которая сильнее дружбы, не спрашивает разрешения.

Она просто сжигает всё дотла.

Содержание

Тихая жизнь Маши	4
Как Данил	13
Ближе, чем нужно	22
Идеал	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джон Запретный Муж подруги: Страсть, которая сильнее дружбы

Тихая жизнь Маши

Дождь шёл с самого утра. Мелкий, нудный, совсем не летний, хотя календарь утверждал обратное. Он барабанил по жестяному подоконнику, стекал по стеклу мутными дорожками и превращал город за окном в размытое серое пятно.

Маша сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрела вниз. Люди бежали через двор, прячась под зонтами, перепрыгивали через лужи, прижимали к груди пакеты. Они все куда-то спешили, и от этого становилось ещё тоскливее. Словно весь мир жил своей стремительной жизнью, а она — наблюдала за ним со стороны, как зритель в тёмном зале.

На коленях у неё, свернувшись тёплым пушистым клубком, урчал кот. Серый, полосатый, с белыми лапками и наглой усатой мордой, на которой навсегда застыло выражение вселенского довольства. Его звали Пушок. И он был, пожалуй, единственным мужчиной, который никогда её не разочаровывал.

Второй кот — Рыжик — лежал на кровати, раскинувшись во всю длину, и лениво следил за хозяйкой прищуренными жёлтыми глазами. Он был младше, наглее и абсолютно уверен в том, что весь мир создан исключительно для его удобства.

— Ну и погодка, — пробормотала Маша, почесав Пушка за ухом. — Хотя из дома не выходи.

Кот заурчал громче, соглашаясь.

Квартира у Маши была маленькая, но уютная. Однушка на девятом этаже старой панельки, с крошечной кухней, где вечно пахло кофе, ванилью и почему-то бабушкиными пирогами — хотя пирогов Маша не пекла. Просто запах жил здесь сам по себе, как невидимый сосед. Въехала она сюда три года назад, после того как окончательно поняла: жить с родителями в их двушке на другом конце города больше невозможно. Не потому, что они были плохими — просто в двадцать три года хочется своего угла. Своих стен. Своей тишины.

Комната была заставлена книгами. Они лежали везде: на полках, на подоконнике, на столе, даже на полу у кровати высилась неровная стопка. Любовные романы, женская проза, иногда — детективы. Потрёпанные, с загнутыми уголками, пахнущие пылью и чужими историями. Маша читала их запоем, по ночам, когда город затихал и оставался только шелест страниц да мурчание котов. Она представляла, как однажды и в её жизни появится кто-то, от кого будет пере-

хватывать дыхание. Кто-то, кто войдёт в её тихую, скучную жизнь и перевернёт её, как страницу. Кто-то, кто посмотрит на неё так, как герои смотрели на своих избранниц, — будто она единственная женщина в мире.

Но пока — только коты. И работа.

Маша была копирайтером-фрилансером. Писала тексты для сайтов: рекламные слоганы, описания товаров, иногда — целые статьи. Заказчики попадались разные. Одни писали «дорогая Мария, спасибо за отличный текст», другие — «переделай, слишком сухо, нужно больше продаж». Третьи вообще исчезали, не заплатив. Маша терпела. Деньги были небольшие, но стабильные. Главное — не нужно было каждый день таскаться в офис, терпеть чьи-то взгляды, участвовать в корпоративах и притворяться общительной.

Она вообще не умела притворяться.

Наверное, поэтому у неё было мало друзей. Точнее — одна. Оксана.

Они познакомились в школе, в седьмом классе, когда Маша перевелась из другой школы. Она была худой, застенчивой девочкой с вечно опущенными глазами и привычкой прятаться за учебником. В новой школе её никто не ждал. Одноклассники быстро поняли, что она безобидная, и начали травить: то кнопку подложат, то сумку выбросят в коридор, то придумают кличку. «Серая Мышь» — так её называли в первую же неделю. И это прозвище прилипло намертво.

Маша не сопротивлялась. Она вообще не умела за себя

постоять. Просто молчала, опускала глаза и мечтала стать невидимой.

А Оксана — яркая, шумная, с чёрными волосами до лопаток и смехом, который было слышно через весь коридор, — встала рядом с ней и сказала:

— Она со мной. Кто тронет — будет иметь дело со мной.

Это было так неожиданно, что Маша тогда едва не расплакалась. Она не понимала, зачем первой красавице класса, девочке, вокруг которой вечно вились мальчишки, понадобилась такая подруга. Но Оксана будто нашла в ней что-то, чего не видели другие.

— Ты настоящая, — говорила она. — Остальные — гнилые курицы.

С тех пор они не расставались.

Внешне Оксана была как с обложки журнала. Высокая, стройная, с точёной фигурой и лицом, в котором было что-то от хищной птицы — острые скулы, тёмные глаза, пухлые губы. Чёрные волосы она носила распущенными или собирала в высокий хвост, который покачивался при каждом шаге. Оксана умела подать себя: ходила на каблуках даже в университет, носила облегающие платья, красилась ярко, но не вульгарно. Мужчины сворачивали шеи, когда она проходила мимо. Даже в спортивном костюме она выглядела так, будто только что вышла из салона красоты.

Маша рядом с ней чувствовала себя невидимкой. Обычная, чуть полноватая, с русыми волосами, которые вечно со-

бирала в небрежный пучок, и серыми глазами, которые сама считала невыразительными. Она почти не красилась, одевалась скромно — джинсы, футболки, вязанные кофты. Зачем выделяться, если всё равно не сравнишься?

Но Оксана её любила. По-своему.

Они прошли вместе через всё: экзамены, выпускной, поступление в институты. Оксана пошла на менеджмент, Маша — на филологический. Разные здания, разные компании, но дружба не ослабевала. Они созванивались каждый день, по выходным гуляли, делились секретами. Оксана была в курсе всех Машиных заказчиков, а Маша знала, когда у Оксаны очередная ссора с матерью или начальником. Всё было просто и понятно.

Пока не появился Данил.

Оксана познакомилась с ним пять лет назад, на дне рождения общего знакомого. Рассказывала потом Маше взахлёб: — Он такой... не как все. Серьёзный, взрослый. И руки — ты бы видела его руки!

Маша тогда только посмеялась.

— Тебе лишь бы руки.

Но когда увидела его впервые — поняла, о чём говорила подруга.

Данил был высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и серыми глазами, которые смотрели так пристально, что хотелось отвести взгляд. В нём чувствовалась сила — спокойная, уверенная, мужская. Он занимался в зале, и это было

видно: даже под рубашкой угадывались рельефные мышцы. Но главное — он умел слушать. Когда Маша говорила, он не перебивал, не скользил взглядом по её телу, как другие мужчины. Он смотрел в глаза и улыбался уголком губ, будто понимал что-то, чего она сама не решалась сказать.

В тот первый вечер они сидели на кухне, пока Оксана болтала по телефону в комнате. Данил заварил чай и поставил перед Машей чашку. Спросил, чем она занимается. Она начала рассказывать про фриланс, про тексты, про то, как трудно бывает с заказчиками. Он слушал, не отводя взгляда, и в какой-то момент сказал:

— Ты интересно рассказываешь. У тебя голос приятный.

Маша тогда чуть не поперхнулась чаем. Compliments ей делали редко. А от таких мужчин — вообще никогда.

Оксана и Данил поженились полгода назад. Свадьбу играли в ресторане на берегу реки. Белые цветы, шампанское, красивые тосты. Маша была свидетельницей. Держала букет, плакала от умиления и думала, что подруге невероятно повезло.

И, наверное, завидовала. Чуть-чуть.

Теперь она часто бывала у них в гостях. Оксана и Данил жили в просторной двушке с панорамными окнами, и Маше нравилось приезжать туда, сидеть на их кухне, пить вино и слушать, как подруга рассказывает о работе, о планах, о муже. Данил всегда был рядом — то гвоздь прибьёт, то принесёт из магазина любимый сыр Оксаны. Он был заботливым.

Настоящим. Таким, каких Маша видела только в книгах.

Рыжик спрыгнул с кровати, потянулся и неторопливо направился к миске. Пушок, услышав движение, тут же открыл глаза и наострил уши.

— Сейчас, сейчас, — усмехнулась Маша, спускаясь с подоконника.

Она насыпала котам корм, налила свежей воды. Те принялись за еду, сосредоточенно хрустя. Маша с минуту смотрела на них, потом перевела взгляд на телефон. Экран молчал. Оксана обещала позвонить, но, видно, закрутилась. Данил, наверное, только вернулся с работы. Или они ужинали. Или смотрели кино, устроившись на диване.

Почему-то от этой мысли стало грустно.

Она встала, поставила чайник. Насыпала в кружку растворимый кофе, плеснула кипятка. По кухне поплыл знакомый запах. Маша села за стол, открыла ноутбук. Там её ждали три письма от заказчиков. Один просил переписать текст «более продающим», второй — «добавить больше эмоций», третий молча прислал правки красным. Маша вздохнула и принялась за работу.

За окном темнело. Дождь не прекращался.

Через час Маша откинулась на спинку стула и потёрла глаза. Голова гудела. Текст, который она правила, был про пластиковые окна. Эмоций в нём было не больше, чем в инструкции к утюгу.

Она потянулась к телефону. Оксана так и не перезвонила.

Маша отложила ноутбук, прошла в комнату и легла на кровать, не раздеваясь. Рыжик тут же запрыгнул ей на грудь и принялся топтаться лапками. Пушок устроился в ногах.

— Ну и день, — прошептала Маша, глядя в потолок.

Она знала, что говорит сама с собой. В последнее время это случалось всё чаще. Наверное, одиночество имело такое свойство — постепенно превращать человека в собственно-го собеседника.

Она думала о своей жизни. Тихой, размеренной, предсказуемой. Утром — кофе и работа. Днём — обед, иногда прогулка до магазина. Вечером — книга, коты, сериал. Иногда — звонок от Оксаны. Разговоры о её работе, о Даниле, о том, что они планируют на выходные.

— Приезжай к нам в субботу, — часто звала Оксана. — Данил шашлык сделает.

И Маша приезжала. Потому что одной сидеть было тоскливо. Потому что там, в их светлой квартире, было весело. Потому что там был... он.

Маша резко села, согнав Рыжика.

— Так, всё, — сказала она вслух. — Хватит.

Она не знала, к кому обращается — к себе или к котам. Но прозвучало это жалко.

Она снова легла, натянула одеяло до подбородка. За окном шумел дождь. В комнате было тихо, только коты сопели в два голоса.

Маша закрыла глаза. Перед ней встало лицо Данила — его

серые глаза, лёгкая улыбка, то, как он смотрел на неё, когда она рассказывала о работе.

«Он просто вежливый, — убеждала она себя. — Просто хороший человек. И он любит Оксану».

Но почему-то от этих мыслей не становилось легче.

Она лежала в темноте и слушала, как дождь барабанит по стеклу. Где-то на краю сознания билась мысль, которую Маша гнала от себя изо всех сил.

«Ты думаешь о нём слишком часто».

И от этой мысли было страшно. Потому что она была правдой.

Как Данил

Маша всё реже выходила из дома без необходимости. Работа, коты, книги — этот круг замкнулся окончательно, и она сама не заметила, как стала его пленницей.

По вечерам, когда за окном темнело, а в комнате горел лишь торшер у кровати, она лежала с книгой на груди и слушала тишину. Рыжик спал в ногах, Пушок устроился на подушке рядом. Тикали часы на стене. Где-то за стеной соседи приглушённо смотрели телевизор. И в этой тишине, как назойливая муха, в голове крутилась одна и та же мысль: «Мне почти двадцать семь. А у меня никого нет».

Нет, раньше она не считала это проблемой. Ну, нет мужа — и ладно. Зато спокойно. Никто не выносит мозг, не разбрасывает носки, не требует ужин после работы. Свобода. Но с некоторых пор свобода перестала ощущаться как благо. Она стала похожа на пустую квартиру, в которой слишком тихо.

Особенно остро это чувствовалось после разговоров с Оксаной.

Та звонила почти каждый день. Рассказывала о работе, о новых туфлях, о том, что опять поссорилась с матерью. Но чаще всего — о Даниле.

— Представляешь, он вчера принёс мне розы. Просто так. Говорит, увидел и подумал обо мне, — щебетала она в труб-

ку, и в голосе её было столько счастья, что Маше становилось не по себе.

— Красивые? — спрашивала она, просто чтобы поддержать разговор.

— Белые. Двадцать одна штука. Я даже расплакалась.

Маша слушала и кивала, хотя Оксана её не видела. Она представляла, как Данил заходит в цветочный, выбирает эти розы, как потом дарит их жене — небрежно, будто это мелочь, хотя на самом деле продумал всё. И от этой картинки внутри что-то щемило.

Оксана рассказывала о нём постоянно. Какой он заботливый. Как утром приносит ей кофе в постель, даже если сам не выспался. Как помнит все её любимые блюда и иногда готовит ужин — по-настоящему вкусно, как в ресторане. Как каждую пятницу дарит цветы, не пропуская ни одной недели. Как не забывает про годовщины, даже самые мелкие — день первого поцелуя, день знакомства с родителями. Как щедрый: то серёжки, то новый телефон, то поездка на выходные в другой город.

— Он у меня идеальный, — говорила Оксана с лёгкой гордостью. — Я сама не верю, что мне так повезло.

Маша верила. Она видела Данила вживую и понимала: он действительно таким и был. Внимательным, тёплым, настоящим. Не идеальным, конечно, — у всех есть недостатки. Но по сравнению с другими мужчинами, которых Маша встречала, он был... слишком хорош.

После таких разговоров она чувствовала себя особенно одиноко. Клала трубку, садилась на подоконник, обнимала кота и смотрела в окно. Там, за стеклом, текла чужая жизнь: люди спешили домой, к своим семьям, к своим половинкам. А у неё — только коты и тишина.

«Мне нужен кто-то», — призналась она себе однажды ночью, когда не могла уснуть. — «Нужен мужчина. Не для галочки. Для жизни».

Она попыталась представить, каким должен быть этот мужчина. Высоким? Да, наверное. С тёмными волосами и серыми глазами, которые смотрят так, будто видят насквозь. С сильными руками, но не грубыми. Чтобы умел слушать, не перебивал, не смотрел в телефон, когда она говорит. Чтобы шутил смешно, но без пошлости. Чтобы был щедрым, заботливым, надёжным. Чтобы с ним было спокойно и одновременно — жарко.

Маша зажмурилась, пытаясь прогнать образ. Но он не уходил.

Вместо абстрактного принца перед глазами стоял Данил. Его лицо, его улыбка, его руки, сжимающие руль. Его голос, когда он говорил: «Ты интересно рассказываешь».

— Так, всё, — прошептала она в темноту. — Пора искать.

На следующий день Маша скачала приложение для знакомств. Долго не решалась, листала страницу загрузки, но в итоге нажала кнопку. Зарегистрировалась. Заполнила анкету: имя, возраст, интересы. Написала, что любит книги, ко-

фе и тишину. Загрузила фотографию — обычную, без фильтров, в светлой кофте. Посмотрела на себя со стороны. Ну, нормально. Не красотка, но и не уродина.

Первые сообщения пришли уже через час. Маша с любопытством открыла диалоги и почти сразу разочаровалась.

«Привет. Ты такая милая. Может, встретимся? Я живу недалеко, приеду на машине».

Она кликнула на профиль. Фото: парень на фоне гаража, в спортивном костюме, с бутылкой пива. Лицо — неприметное, с лёгкой небритостью. Возраст — тридцать два. О себе: «Люблю машины, рыбалку и отдых на природе».

Маша скривилась и пролистала дальше.

«Здравствуйте, Мария. Вы похожи на мою бывшую. Это судьба. Давайте общаться».

На фото — мужчина лет сорока с залысинами и в очках. В графе «дети» указано: «трое, живут с матерью».

— Нет, — пробормотала Маша и закрыла диалог.

Дальше — хуже. Один предлагал «сразу без обязательств», второй слал голосовые сообщения с матом, третий писал грамматическими ошибками в каждом слове. Маша терпеливо отвечала, пыталась поддержать беседу, но всё было мимо. Эти мужчины не задавали вопросов. Их не интересовало, чем она живёт, о чём мечтает. Они хотели только одного.

— Не то. Всё не то, — шептала она, листая анкеты.

И в какой-то момент поймала себя на том, что сравнивает

каждого с Данилом.

У этого плечи уже. У этого голос писклявый. Этот не умеет шутить, его «приколы» — пошлые и тупые. Этот за весь вечер ни разу не спросил, как у неё дела.

Данил спросил бы. Данил бы выслушал. Данил бы не полез целоваться на первом свидании.

Маша отложила телефон и уставилась в потолок.

— Я сравниваю всех с мужем подруги, — сказала она вслух. — Это ненормально.

Но поделаться с собой ничего не могла.

Тем не менее, она попыталась.

Через неделю Маша согласилась на первое свидание. Парень по имени Антон написал ей первым, был вежлив, задавал вопросы, и фотография у него была приличная: парень в рубашке, на фоне парка. Маша подумала: «Может, не всё так плохо».

Они встретились в кофейне в центре. Антон оказался ниже, чем на фото, и слегка полноватым. Но главное — он говорил только о себе. Рассказывал про свою работу, про машину, про то, как ездил в Турцию. Маша слушала, кивала, пыталась вставить слово, но Антон её перебивал.

— А ты чем занимаешься? — наконец спросил он, когда официантка принесла счёт.

— Копирайтер, — ответила Маша.

— А, ну, это скучно, — он махнул рукой. — Я думал, что-то интересное.

Маша сжала губы и допила кофе. Второе свидание не состоялось.

Потом был Олег. Высокий, спортивный, с бородой. Маша немного оживилась: внешне он был похож на Данила — только тёмные волосы короче, а глаза карие, а не серые. Они гуляли по набережной, ели мороженое. Олег шутил, и Маша даже смеялась. Но потом он начал рассказывать, как ненавидит свою бывшую, как она «вынесла ему мозг», и Маша поймала себя на мысли, что ей неприятно. Данил никогда бы так не говорил о женщине.

Потом был Сергей. Тихий, скромный, работал программистом. Он не задавал пошлых вопросов, не хвастался, не жаловался на бывших. Маша даже расслабилась. Но на третьем свидании Сергей пригласил её домой «посмотреть фильм». Она согласилась, думая, что это действительно фильм. Он усадил её на диван, включил какую-то комедию, а через десять минут полез целоваться. Маша отстранилась, сказала, что не готова. Сергей обиделся:

— Ты чего? Мы же взрослые люди. Я думал, ты нормальная.

Маша молча встала, оделась и ушла. По дороге домой она ругала себя: «Дура. Расслабилась. Конечно, ему нужно было только одно».

Вечером она позвонила Оксане, просто чтобы услышать знакомый голос. Та сразу почувствовала её настроение.

— Ты чего такая грустная?

— Да так... на свидание сходилa. Неудачно.

— С кем? Ты не рассказывала!

Маша вздохнула и вкратце пересказала историю с Сергеем. Оксана возмущалась, ругала его, а потом вдруг сказала:

— Слушай, а ты не пробовала искать среди знакомых? Может, у Данила есть свободные друзья? Я у него спрошу!

— Не надо, — быстро ответила Маша. — Не хочу.

— Почему?

— Просто... не хочу.

Она сама не понимала, почему отказалась. Наверное, потому что друзья Данила могли оказаться такими же, как он. А если нет — разочарование было бы слишком сильным. Да и мысль о том, что Оксана будет устраивать её личную жизнь, почему-то раздражала.

— Ну, как знаешь, — вздохнула Оксана. — А я вот не знаю, что с Данилом делать. Он опять цветы притащил. Говорит, соскучился.

Она представила, как Данил стоит на пороге с букетом. Как обнимает жену, целует в макушку. Как они вместе садятся ужинать, смеются, обсуждают планы на выходные. И от этой картинки ей стало до слёз тошно.

— Ладно, подруга, мне пора, — сказала она, сглотнув ком. — Работа ждёт.

— Ну давай. Не грусти там. Найдём тебе кого-нибудь.

Маша повесила трубку и долго сидела, глядя в одну точку. Найдём. Как будто это так просто.

Она открыла приложение для знакомств. Пролистала несколько анкет. Везде одно и то же: рыбалка, машины, «без обид», «ищу серьёзные отношения, но не точно». Фотографии в туалете у зеркала. Глупые подписи. Маша закрыла приложение и отшвырнула телефон.

— Все они не то, — прошептала она. — Все не такие. Как Данил.

Она осеклась. Подошла к зеркалу. В отражении на неё смотрела уставшая девушка с серыми глазами и растрёпанными волосами. Обычная. Серая мышка.

— Ты просто придумала себе идеал, — сказала она своему отражению. — А таких не бывает.

Но в глубине души знала: бывает. И он женат на её лучшей подруге.

Ночью Маша лежала без сна. Рыжик урчал в ногах, Пушок сопел на подушке. За окном шёл дождь. Она думала о Даниле. О том, как он умеет слушать. Как улыбается уголком губ. Как пахнет от него — чем-то тёплым, с нотками дерева.

Она вспомнила, как однажды они случайно остались вдвоём на кухне, пока Оксана была в ванной. Данил наливал чай. Обернулся, поймал её взгляд и улыбнулся.

— Скучаешь по ней? — спросил он.

— Конечно, — ответила Маша. — Мы же подруги.

— Хорошо, когда есть такая подруга.

Он смотрел на неё как-то особенно, и Маша почувствовала, как щекам становится жарко. Потом Оксана вышла, и

момент рассеялся. Но этот взгляд Маша запомнила.

Теперь, лёжа в темноте, она прокручивала его снова и снова. И понимала, что всё глубже тонет в этом запретном чувстве.

«Я хочу такого мужчину, как Данил, — призналась она себе. — Такого же. Или... его самого».

От этой мысли ей стало страшно. Маша зажмурилась, пытаясь выбросить её из головы. Но образ не уходил. Он стоял перед глазами, улыбался, протягивал ей чашку чая.

— Что же со мной происходит? — прошептала она в темноту.

Коты не ответили.

А дождь за окном всё лил, смывая с улиц остатки грязи..

Ближе, чем нужно

Лето в этом году наконец-то вступило в свои права. Июньские дни стояли длинные, светлые, наполненные густым зноем и запахом скошенной травы. По вечерам город ещё долго не остывал, и из открытых окон доносились чужие голоса, смех, музыка. Маша всё чаще выбиралась из своей квартиры — не потому, что очень хотелось, а потому что Оксана не давала ей закуснуть.

— Хватит сидеть в четырёх стенах! — говорила она тоном, не терпящим возражений. — Ты скоро в кошку превратишься. Поехали в торговый центр!

И Маша соглашалась. Потому что спорить с Оксаной было бесполезно, а сидеть одной дома — тоскливо. И ещё потому, что иногда с ними ездил Данил.

Он не всегда мог вырваться с работы, но если выдавался свободный день — присоединялся без лишних слов. И тогда обычный поход за косметикой превращался для Маши в нечто совершенно иное. В маленькое событие, которое она ждала, сама себя за это ругая.

В ту субботу Данил приехал вместе с Оксаной. Они заехали за Машей около полудня. Она уже стояла у подъезда, шурясь от солнца. На ней был лёгкий сарафан — бледно-голубой, с тонкими бретельками, — и босоножки на плоской подошве. Маша долго выбирала, что надеть, и в итоге остано-

вилась на этом: не слишком нарядно, но и не по-домашнему.

— Привет, подруга! — Оксана помахала ей из окна машины. — Запрыгивай!

Маша открыла заднюю дверь и скользнула на сиденье. В салоне пахло чьим-то парфюмом — тёплым, с нотками кожи и сандала. Она сразу узнала этот запах. Данил.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Данил обернулся, кивнул ей. Его серые глаза на мгновение задержались на её лице, и Маша почувствовала, как по спине пробежала лёгкая дрожь.

— Ну что, какие планы? — спросил он, обращаясь сразу к обоим.

— Сначала в «Атриум», потом перекусим где-нибудь, — отозвалась Оксана. — Мне нужен новый крем для лица при-смотреть. И туфли. И, может, платье.

— Как всегда, «только крем», — усмехнулся Данил, но беззлобно.

Оксана шлёпнула его по плечу и рассмеялась.

— Ты же знаешь, с тобой ходить по магазинам одно удовольствие. Ты такой терпеливый.

— Я просто знаю, что после магазинов будет кофе, — ответил он.

Маша слушала их перепалку и улыбалась. Со стороны они были идеальной парой. Лёгкие, весёлые, красивые. Она ловила себя на том, что любит их — и одновременно чув-

ствуует укол зависти.

В торговом центре было прохладно. Пахло кондиционером, свежей выпечкой и духами. Оксана сразу устремилась к отделу косметики, утягивая Машу за собой. Данил шёл чуть позади, засунув руки в карманы, и с рассеянным видом разглядывал витрины.

— Мне нужен вот этот крем, — Оксана показала на баночку с золотой крышкой. — Говорят, он просто чудо.

— Бери, — пожала плечами Маша.

— А ты себе ничего не хочешь? — Оксана повернулась к ней. — Может, тушь? Или помаду?

Маша махнула рукой.

— Мне ничего не надо.

— Ну конечно. «Не надо» у тебя всегда. Ладно, я сама тебе что-нибудь подберу.

Оксана закружила по магазину, как яркая птица. Маша осталась стоять у стойки с пробниками. Она взяла флакон духов, поднесла к носу — пахло розами. Потом ещё один — ванилью. Но все запахи казались ей чужими. Настоящий, тот, который ей нравился, был только один. И он стоял в паре метров, листая что-то в телефоне.

— Тебе идёт этот сарафан, — вдруг сказал Данил, не отрываясь от экрана.

Маша вздрогнула.

— Что?

Он поднял глаза.

— Сарафан. Тебе идёт. Голубой — твой цвет.

Маша почувствовала, как щеки заливает краска. Она опустила голову, сделала вид, что разглядывает пробники. Сердце стучало где-то в горле.

— Спасибо, — пробормотала она.

Данил улыбнулся уголком губ и снова уткнулся в телефон. Как будто сказал что-то обычное. Как будто это ничего не значило.

Но для Маши это значило многое.

Через полчаса Оксана наконец расплатилась за крем и потащила их в обувной. Данил нёс её сумку с покупками, а заодно прихватил и Машину маленькую сумочку, когда та зазевалась у витрины.

— Давай помогу, — сказал он просто, и Маша не успела возразить.

Так и шли: Оксана впереди, высокая, шумная, на каблучках, а позади — Маша с Данилом. Их плечи иногда почти соприкасались в толпе, и каждый раз Маша отдёргивалась, будто от удара током.

— Ты чего такая дёрганая? — спросил Данил, заметив.

— Ничего. Просто... люди вокруг.

— Ну да, суббота.

Он больше ничего не сказал, но Маше показалось, что он понимает её без слов. И от этого становилось ещё неловче.

Оксана мерила туфли, крутилась перед зеркалом, спрашивала мнение. Маша кивала, говорила «красивые», «бери», но

почти не смотрела. Её взгляд то и дело возвращался к Данилу. К тому, как он сидит на банкетке, откинувшись на спинку, и наблюдает за женой с лёгкой улыбкой. Как его руки лежат на коленях — сильные, с длинными пальцами. Как он время от времени проводит ладонью по волосам.

«Он красивый, — подумала Маша. — Очень красивый. И от него вкусно пахнет».

Она тут же одёрнула себя. Отвернулась. Уставилась на витрину с сумками.

Но легче не стало.

Потом они зашли в продуктовый. Оксана катила тележку, бросая туда то одно, то другое. Маша шла рядом, помогая выбирать фрукты. Данил снова оказался сзади.

— Яблоки бери вот эти, — сказал он, потянувшись к полке. — Они слаще.

Он встал совсем близко — так, что Маша почувствовала тепло его тела. Она замерла, боясь пошевелиться. Он достал пакет, положил в тележку, и отошёл. А Маша ещё несколько секунд стояла, как приклеенная, чувствуя, как внутри всё дрожит.

На кассе Данил расплатился за продукты. Оксана даже не удивилась — привыкла. А Маша смутилась:

— Давай я свою часть верну?

— С ума сошла? — он даже не посмотрел на неё, убирая карточку. — Это продукты для всех. Не выдумывай.

— Но всё же...

— Маш, — он наконец повернулся к ней, и в его глазах мелькнула тёплая усмешка. — Я же не обеднею. Расслабься.

Маша прикусила губу и кивнула. Ей было неловко, но в то же время приятно. Приятно, что он так легко решает вопросы. Что не мелочится. Что заботится — пусть и по-дружески, по-свойски.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Да не за что.

После магазинов они зашли в кофейню. Данил заказал всем капучино и круассаны. Оксана снова щебетала о чём-то, а Маша сидела, обхватив тёплый стакан, и смотрела на Данила поверх края чашки.

Он заметил её взгляд.

— Что? — спросил он, откусывая круассан.

— Ничего. Просто... у тебя крошка на губе.

Маша сама не поняла, как это сказала. Точнее, поняла — но поздно. Данил улыбнулся, стёр крошку большим пальцем, и снова посмотрел на неё.

— Спасибо. А то я уже хотел так идти.

— Да ладно, — смутилась Маша.

— Нет, правда. Ты наблюдательная.

Он смотрел на неё чуть дольше, чем нужно. Или ей показалось? Маша отвела взгляд, уставилась в свою чашку. Сердце колотилось.

Оксана в этот момент говорила по телефону с матерью и ничего не заметила. А Маша сидела и думала: «Почему он

так смотрит? Почему мне так жарко?»

Домой ехали уже под вечер. Солнце клонилось к закату, заливая город золотом. Маша сидела сзади, прижимаясь к двери. В пакете у ног лежали её покупки — крем, который ей всё-таки купила Оксана, и какая-то мелочь. Настроение было странное: лёгкое и тяжёлое одновременно.

— Завтра созвонимся? — спросила Оксана, когда они остановились у Машиного подъезда.

— Конечно.

— Ну давай, отдыхай.

Маша вышла. Данил обернулся, помахал ей рукой. Она кивнула и поспешила к двери, чувствуя его взгляд спиной.

Дома её встретили коты. Пушок тёрся об ноги, Рыжик лениво потягивался на кровати. Маша разобрала покупки, переоделась, села на подоконник. В голове крутился весь день: магазины, кофейня, его улыбка, его «тебе идёт голубой».

Она смотрела в окно и улыбалась. А потом поймала себя на этой улыбке и нахмурилась.

— Что с тобой? — прошептала она. — Это просто... просто вежливость.

Но внутри всё звенело, как натянутая струна.

Она не хотела признаваться, но этот день был лучшим за долгое время. И вовсе не из-за шопинга.

Идеал

Маша сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела на вечерний город. За окном медленно темнело, и в окнах соседних домов одно за другим загорались огни. Где-то лаяла собака, где-то смеялись дети. Обычный летний вечер. Но на душе у Маши было беспокойно.

Она вернулась домой час назад, поужинала, покормила котов и собиралась поработать, но работа не шла. Мысли, как назойливые мухи, кружились вокруг одного и того же. Вокруг него.

Данил.

Маша вздохнула и уткнулась лбом в колени. Как же это глупо. Как же это неправильно. Она взрослая женщина, а ведёт себя как девчонка-подросток, которая влюбилась в старшего брата подруги.

Но это было не влюблённость. Или влюблённость? Маша сама не знала. Она только знала, что с некоторых пор все её мысли окрашены одним именем. Данил, Данил, Данил.

Он был везде.

Она открывала книгу — и представляла на месте героя его лицо, его руки, его голос. Она слушала музыку — и вспоминала, как он что-то напевал, когда они гуляли по парку. Она ложилась спать — и видела перед глазами его улыбку, чуть насмешливую, но тёплую.

И это сводило с ума.

Особенно тяжело было после их совместных выходов. После того торгового центра, после кофейни, после его слов: «Тебе идёт голубой». Маша прокручивала этот момент в голове снова и снова, как заезженную пластинку. И каждый раз внутри что-то сжималось — сладко и больно одновременно.

Она всё чаще ловила себя на том, что хочет к Оксане в гости. Но не потому, что соскучилась по подруге. А потому что там — он.

Только от одной мысли об этом Маша испытывала стыд. Она прикрывала глаза и шептала: «Дура. Какая же ты дура». Но это не помогало. Желание увидеть Данила было сильнее голоса совести.

Она вспоминала, как они сидели втроем на кухне у Оксаны. Пили вино, смеялись, обсуждали какую-то ерунду. Оксана, как всегда, была в центре внимания: рассказывала, жестикулировала, звонко смеялась. А Маша сидела тихо, улыбалась, но смотрела не на подругу. На него.

Данил умел рассказывать истории. Он делал это негромко, но так, что все замолкали. У него было отличное чувство юмора: шутки без пошлости, ироничные, меткие. Он мог рассмешить даже Машу, которая обычно стеснялась смеяться в компании. А ещё он умел слушать. Когда Маша что-то говорила, он не отвлекался на телефон, не перебивал, не смотрел сквозь неё. Он смотрел прямо в глаза, и от этого становилось тепло.

Одевался он тоже хорошо. Не вычурно, но стильно. Джинсы, рубашки, иногда лёгкие свитера. Вещи сидели на нём идеально, подчёркивая широкие плечи и сильные руки. От него всегда пахло чем-то свежим и мужским — не приторным парфюмом, а чистотой, теплом, спокойствием.

Маша вздохнула и снова уткнулась в колени.

— Я хочу такого же, — прошептала она. — Только такого же. Или... его.

Она резко вскинула голову, словно кто-то мог её услышать.

— Нет. Это неправильно.

Она встала, прошла по комнате. Пушок поднял голову и лениво следил за ней. Рыжик дремал на кровати, не обращая внимания.

— Мне нужен кто-то похожий, — сказала Маша котам, будто они могли её понять. — Его брат-близнец. Но у него нет брата. Я точно знаю. Оксана говорила, что он единственный ребёнок в семье.

Она остановилась у книжного шкафа, провела пальцем по корешкам. Взгляд упал на очередной любовный роман. Там героиня влюблялась в мужа сестры, и всё заканчивалось плохо. Маша поморщилась и отвернулась.

Её собственная история была ещё глупее. Потому что в романах герои хотя бы признавали свои чувства. А она — нет. Она пряталась. От себя, от Оксаны, от Данила.

Иногда ей становилось так тошно, что хотелось позвонить

Оксане и во всём признаться. Но что сказать? «Прости, я думаю о твоём муже»? Это разрушило бы всё. Дружбу, доверие, их общий мир. Маша не могла так поступить.

И поэтому она продолжала делать вид, что всё в порядке. Приезжала в гости. Улыбалась. Смеялась над шутками. А сама в это время смотрела на Данила и мечтала о невозможном.

Иногда, лёжа ночью без сна, Маша позволяла себе представить, как всё могло бы быть. Как она стоит рядом с ним на кухне, и он обнимает её сзади, положив подбородок ей на плечо. Как они вместе смотрят телевизор, укрывшись одним пледом. Как он берёт её за руку, когда они идут по улице.

Она представляла себя на месте Оксаны. Представляла, как просыпается рядом с ним, как он улыбается ей сонной улыбкой, как они завтракают вдвоём на балконе. Эти картинки были такими яркими, что у Маши сжималось сердце. Но она тут же гнала их прочь.

— Нельзя, — шептала она в темноту. — Нельзя. Он муж твоей подруги.

И слёзы подступали к глазам.

Днём было легче. Работа отвлекала. Коты требовали внимания. Солнце светило в окна, и мир казался проще. Но вечером, когда наступала тишина, мысли возвращались.

Маша понимала, что сама себе вырыла яму. Что идеал, который она выстроила, — это не просто фантазия. Это конкретный человек. Реальный. Живой. И он рядом. Только

недоступный.

Она смотрела на фотографии в телефоне. Вот они втроём на даче у Оксаны — лето, зелень, все счастливые. Вот Данил держит Оксану на руках у озера. Вот они с Оксаной дурачатся, а Маша смеётся на заднем плане. Она увеличила фото, всмотрелась в лицо Данила. Какое же оно всё-таки... красивое.

— Хватит, — сказала она вслух и отложила телефон.

Но через минуту снова взяла его. Открыла галерею. Снова нашла его снимок.

И так по кругу.

Наконец Маша не выдержала. Встала, налила себе холодной воды, выпила залпом. Потом умылась. Посмотрела в зеркало. На неё смотрела усталая девушка с серыми глазами и растрёпанными волосами.

— Ты просто одинока, — сказала она своему отражению. — Тебе не хватает мужчины. Вот и всё.

Но сама не поверила.

Потому что мужчина ей был нужен не абстрактный. А вполне конкретный. Тот, кто был занят. Тот, кого она не имела права хотеть.

Маша вернулась в комнату, легла на кровать. Рыжик тут же пришёл и улёгся рядом. Пушок устроился на подушке. Она погладила обоих, чувствуя их тёплое мурчание.

— Вы же меня не осуждаете? — спросила она шёпотом.

Коты молчали. Только мурчали.

Маша закрыла глаза. Перед ней снова возникло лицо Данила. Его серые глаза, его улыбка. Его руки, когда он держал пакеты. Его голос: «Тебе идёт голубой».

Она глубоко вздохнула и провалилась в сон.

А где-то на краю сознания продолжала жить мысль, от которой не было спасения: «Я хочу быть рядом с ним. Даже если это неправильно. Даже если это разрушит всё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.